
НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

ЧАТЧЕНКО Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и экономических методов управления Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Поиски выхода из глобального кризиса современности, опыт выживания человечества привели к разработке концепций нашего общего будущего, которые вытекают из среды обитания человечества как отправной точки анализа общества. Сегодня будущее связывается с переходом на путь устойчивого развития, на путь безопасного развития во всех отношениях, в том числе, и прежде всего, в экологическом плане.

Проблема устойчивого развития уже давно находится в поле зрения ученых. Свое второе дыхание она обрела после конференции по окружающей среде и развитию, проходившей в 1992 г. под эгидой ООН в Рио-де-Жанейро. За прошедшие после конференции годы мировое сообщество не раз обращалось к обсуждению темы устойчивого развития. Наконец, мировой саммит по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002 г.) засвидетельствовал желание стран-участниц интегрировать принципы устойчивого развития в реальную политику и национальные программы.

Главная предпосылка формирования общества, способного двигаться к своему устойчивому развитию, к реализации требований Жизни, - это приоритет разумности решений как важнейшей характеристики современной цивилизации, которая только благодаря нравственно-гуманистическому разуму и сможет выжить. Речь в данном случае идет о тех идеях, которые были высказаны выдающимися представителями общественной мысли К.Э. Циолковским, В.И. Вернадским, - идеи о необходимости созидания ноосферы – сферы разума, которая по сути дела стала мировоззренческим фундаментом строения перехода общества на новую модель развития.

Зародившаяся тревога за будущее цивилизации заставляет интеллектуальных и духовных лидеров планеты напряженно размышлять о проступающих признаках катастрофы. Все чаще слышна критическая оценка неолиберальной модели глобализации, указывающая как минимум на ее неоднозначность. Специфический характер современной экономической реальности по-прежнему может быть выражен предложенной А.И. Неклессой формулой: «то продано, что продано, то капитал, что котируется на рынках, а бытие определяется правом на кредит» [5, с. 70]. Действительно, в свете сегодняшнего мирового финансового кризиса выпукло высветились такие феномены как глобальный долг, растущие процентные выплаты по которому служат источником новых займов. Глобальная приватизация прибыли и одновременно целенаправленная социализация издержек, свобода движения капиталов и растущие препоны на путях перемещения трудовых ресурсов планеты, экспорт сверхэксплуатации и практика универсальной коммерциализации, механистической максимизации прибыли без учета хозяйственной емкости биосферы Земли – современные экономические реалии.

Складывающийся на планете на основе новой структуры мирового разделения труда - прагматичный геоэкономический универсам демонстрирует сложноподчиненную комбинацию многообразных ресурсных потоков, географически ориентированных типов хозяйственной деятельности: производства природного сырья и промышленных изделий, интеллектуальных ресурсов и высоких технологий, финансово-правовых операций и т. п.

Подобная структура тяготеет к логике глобального управления и долгосрочного планирования. Она обладает колоссальной социальной инерцией, прямо и опосредованно воздействуя на подвластные пространства, формируя и фиксируя определенные стереотипы и социокоды.

Вместе с тем административное могущество геоэкономического универсала находится в достаточно сложных взаимоотношениях со свободной человеческой личностью, полагаясь скорее на информационные ресурсы, нежели ресурсы творческие (инновационные, творящие). И когда стратегический консенсус между ними нарушается, возникает конфликт между творцом и управляющим. В русле этих достаточно противоречивых тенденций, на фоне трещащей по швам прежней экономической картографии, рождается новая экономика, в присутствии которой прежние формы экономической практики оказываются перед угрозой масштабного системного кризиса [5, с. 63]. Фактически же, на данном этапе развития, перед человеческой цивилизацией стоит один вызов – либо она находит возможности для дальнейшего существования на принципах инновационности, устойчивости и биоцентризма, либо человечество может прекратить свое существование.

Возникает принципиально важный вопрос об адекватности понимания устойчивого развития как о качественно новой модели развития цивилизации – появления в системе «общество – природа» отрицательной обратной связи, которая может обеспечить гомеостазис этой системы как коэволюции человечества и биосферы. Эта модель может быть реализована лишь в случае кардинальных изменений, перестройки мнения людей или смены типа человеческой культуры, о котором много писал П.А. Сорокин.

Переход на иной путь развития, соответствующая переориентация институтов обществ несомненно требуют и кардинальной трансформации сознания, а также, что очень важно, – науки как деятельности по производству знаний, и образования – главной деятельности по их передаче и усвоению.

Наука сегодня оказалась перед необходимостью очередной глобальной революции, которая по своей значимости несравнима ни с одной из предыдущих. До сих пор выделяли четыре глобальных революции в науке: становление классического естествознания, формирование дисциплинарной организации науки, появление неклассического естествознания, и, наконец, - постнеклассической науки. Но эти революционные изменения кроме роста технического могущества так или иначе содействовали и углублению экономического кризиса. Таким образом, научное познание больше не может двигаться вперед, а вынуждено в растущей мере сочетаться с общественными последствиями научно-технического прогресса. В этой связи очень интересным представляется исследование антропогенных катастроф, имевших место в доисторические времена и в человеческой истории, проведенное А.П. Назаряном и сделанный им вывод о том, что в кризисных процессах присутствует системная зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурной регуляции и внутренней устойчивостью общества. Указанные параметры позволяют сформулировать закон, который он называет «законом техно-гуманитарного баланса», гласящий, что чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенствованные средства сдерживания агрессии необходимы для сохранения социальной системы [4, с. 123]. Новые технологии всегда несли в себе угрозу привести сообщества, которые их применяют, к катастрофам. Если цивилизациям или отдельным человеческим сообществам не удавалось справиться с возросшим технологическим могуществом, они разрушали природные и/или социальные основы своей жизни, устойчивость социальных систем стремительно падала и они погибали в борьбе с внешними вызовами и друг с другом. Однако такая угроза сохранялась до тех пор, пока не вырабатывались соответствующие культурно-нормативные регуляторы, понимаемые как ценностно-смысловые ориентиры, обеспечивающие общественному сознанию оценки, адекватные появившимся угрозам. Именно благодаря тому, что человек находил возможности адаптировать культуру саморегуляции к неуклонно возрастающей технологической мощи, ему и удалось дожить до наших дней. Без

преимущества культурных регуляторов невозможен ни непрерывный рост и уплотнение населения, ни повышение технологической мощи, ни усложнение социальной организации [4, с. 8].

Представляется, что наука наступившего XXI века будет все в большей мере сталкиваться с запретами и ценностями этического характера. Близится, наступает новая точка бифуркации на пути революционных изменений науки, которая либо погибнет вместе с человечеством, либо вместе с ним вступит в новую эру своего развития, выбрав такие новые цели и ценности своего преобразования. В конечном итоге, человечество предпочтет либо доминирующую по сей день концепцию развития, основанную на постоянном росте потребления, либо вступит на путь самоограничения и согласия с природой и жизнью. Большинство ученых разделяют точку зрения о том, что именно этические ценности определяют выбор дальнейшего пути развития цивилизации. Речь идет о том, чтобы «в самих основах этики науки выдвинуть на первый план те стороны человеческого бытия, которые свидетельствуют об угрозах и опасностях, связанных с нежеланием видеть мир таким, каким он стал под воздействием человека, под влиянием его планетарной по своим масштабам технологической деятельности и разрушения среды обитания всего живого» [6, с. 12].

Совершенно ясно, что идущая на смену, постнеклассической наука, меняя свою ориентацию с техногенно-экономической на гуманистическую и экологическую, должна опережать природообразующую деятельность людей. Наука должна не только прогнозировать, но и предвидеть и выдавать (даже в условиях риска и неопределенности грядущего) упреждающие – «разрушающие» и «ограничивающие» рекомендации [1, с. 94].

Таким образом, речь идет об «опережающей» науке, которая, находясь на ведущей позиции в движении к этим целям, дает возможность становления качественно нового – «опережающего» образования, без которого в принципе не сможет сформироваться ни общество устойчивого развития, ни сфера разума, ни необходимое для этого сознание.

Традиционное образование, будучи самой широкой социальной системой, является вместе с тем и одной из самых консервативных систем. Уже не одно десятилетие образование в своем глобальном измерении не удовлетворяет потребностям социальной жизни, продолжая трансформировать в будущее ценности индустриально-потребительского общества, не обращая внимания на приближение глобальной антропоэкономической катастрофы. Почему это происходит? Во многом такое положение дел связано с глобализацией образования, где на первый план выходит сфера информации, которая, благодаря бурному развитию новых информационных технологий, становится определяющим инструментом социальных инноваций, важнейшим ресурсом власти. Действительно, как подчеркивал в своих работах Э. Тоффлер, знания и информация позволяют достичь искаемых целей, минимально расходуя ресурсы власти; убедить людей в их личной заинтересованности в этих целях; превратить противников в союзников. Кроме того, «суть информатизма заключается в его способности создавать механизмы превращения в материальную силу, в товар, без которого невозможно современное материальное производство» [3, с. 93].

Безусловно знания – наивысшая ценность современной цивилизации, а товары для нового типа знаний (по-другому информационного рынка, интеллектуального рынка) творит наука, образование, связь, охрана здоровья, управление, книжно-газетная индустрия, электронно-информационное машиностроение и индустрия программного обеспечения. В передовых информатизованных странах в этих отраслях занято более 60% населения. Но в этих обстоятельствах и само образование превращается в товар. Становясь товаром, циркулирующим на мировом рынке, образование уже рассматривается не столько как совокупность навыков, отношений и ценностей, нужных для выполнения гражданских обязанностей и эффективного участия в росте благосостояния общества, сколько (и во все большей степени) как товар, приобретаемый потребителем и позволяющий сформировать «систему навыков», которыми можно воспользоваться на рынке или создавать нечто такое, что захотят приобрести (продать) многонациональные корпорации, академические

институты, трансформирующиеся в обслуживающие структуры, или какие-либо другие провайдеры. Естественно, в этой ситуации есть свои позитивные и негативные стороны, такие как и у более широкой проблемы – глобализации, частью которой являются использование Интернета для коммуникации и маркетинга, получения знанийых продуктов всех видов, усиление роли глобальной рабочей силы, высококвалифицированного персонала, расширение использования английского языка в качестве языка научного общения.

Безусловно, образование, в частности высшее, являлось интернациональным уже в момент возникновения университета в средневековой Европе, когда общим языком обучения была латынь, а студенты и профессора, как правило, переезжали из одной страны в другую. И в наши дни около 2 млн. студентов учатся за пределами своих стран; функционирует мировой рынок и преподавателей, и исследователей. Интернет существенно и в международном масштабе расширил поток знаний. И все же, оценивая происходящие изменения, нельзя не обратить внимание на недопустимость силового принуждения подчиниться правилам рынка, в основе которого лежит драматическое неравенство, рынка, отнимающего у вузов и национальных систем образования право принимать решения, касающиеся учебных планов, стандартов качества и разных других сторон академической жизни. Легко продемонстрировать, что наука интернациональна по своей природе, но высшее образование играет для государства и общества центральную роль, которая выходит за рамки науки и подготовки к определенным карьерам. Следует в конце концов признать, что образование – во всех его многообразных формах – не просто товар, а центральная часть культуры и общества, заслуживающая иные отношения, чем те, которые доминируют в других секторах региона [7, с. 43].

Сегодня мир оказался в совершенно новых условиях. Теперь многонациональные корпорации, конгломераты средств информации и несколько главных университетов – новые неоколониалисты – стремятся достичь доминирования уже не по идеологическим или политическим причинам, а скорее, из чисто коммерческих соображений. Но результат тот же – утрата интеллектуальной и культурной автономии теми, кто слаб. Академическое сотрудничество, интеллектуальный обмен, интернационализация – здесь все подчинено главной цели предпринимательства – деньгам. На международном образовательном рынке действует и масса низкопробных и вообще никому неизвестных учебных заведений и компаний, предлагающих «продукцию» полностью неизвестного качества. Очень часто экспортируемые программы берутся, можно сказать «с полки» - как разработки, предназначенные для студентов промышленно развитых стран. Уместность же их для развивающихся государств в лучшем случае сомнительна, потому что образование – не нейтральная категория. И педагогика и содержание обучения должны учитывать местные условия, имеющиеся традиции, учебные стили и т. д. [6, с. 13].

Образование - не просто товар, который получают и продают на рынке. Конечно, система образования обеспечивает и является фактором экономического роста, но оно и укрепляет гражданское общество, и расширяет возможности национального (в т. ч. устойчивого) развития. Понимание прошлого, культуры, нравственно-этических ценностей, среди прочего, - тоже часть образования, и эти элементы не могут регулироваться правилами какого-то глобального рынка, поскольку являются составными частями жизни любого общества, частью его культурного наследия. Другими словами, существуют ценности национального и общечеловеческого порядка, которые нужно не только сохранять, но и защищать в условиях глобализируемой образовательной среды. Не случайно открытые рынки, по крайней мере в высшем образовании, укрепляют уже существующее неравенство. Если образовательная граница полностью открыта, самые богатые и сильные поставщики образования получают неограниченный доступ на территорию страны. Что касается неконкурентоспособных стран, то в таких условиях о процветании им следует забыть. И в этом видится новый источник угрозы устойчивому развитию.

Социальный глобальный контекст новых требований к науке и образованию вытекает из проблемы среды обитания человечества как отправной точки анализа общества. Н.Н.

Моисеев в своей известной работе «Современный рационализм» подчеркивал, что только настоящему образованное и интеллектуальное общество способно вступить в период своей истории, когда оно сможет реализовать режим коэволюции природы и общества. Важно иметь в виду, что практическое решение данных проблем и переход индустриально-потребительского общества к обществу интеллекта и знания - это единый процесс движения цивилизации по пути устойчивого развития.

Литература.

1. Ващекин Н.П., Урсул А.Д. Ориентиры опережающего образования / Н.П. Ващекин, А.Д. Урсул // Социс, 2000. – № 5. – С. 90-97.
2. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление / Вернадский В.И. // Биосфера и ноосфера; [пред. Р.К. Баландина.] – М.: Абрис–Пресс, 2004. – 469 с.
3. Канигін Ю.М., Ткачук З.Ю. Українська мрія / Ю.М. Канигін, З.Ю. Ткачук. – К.: Лексикон, 1996. – 152 с.
4. Назаретян А.П. Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический поход / Назаретян А.П. // Вопросы философии, 2009. – № 5. – С. 3-19.
5. Неклесса А.И. Трансмутация истории / А.И. Неклесса // Вопросы философии, 2001. – № 3. – С. 58-71.
6. Садовничий В. Роль образования и науки при переходе к устойчивому развитию / В.Садовничий, действ. член РАН, ректор МГУ им. М. Ломоносова, Президент Российского союза ректоров // Альма-Матер, 2002. – № 10. – С. 9-14.
7. Филип Г. Альтбах. Знание и образование как международный товар: крушение идеи общественного блага / Филип Г. Альтбах (Philip G. Altbach), проф. Бостонского колледжа, директор Центра Международного высшего образования // Альма-Матер, 2002. – № 7. – С. 40-44.

УДК 330.101

В статье рассматривается наука и образование как факторы устойчивого развития.
Ключевые слова: наука, образование, ноосфера, устойчивое развитие.

В статті розглядаються наука та освіта як фактори стійкого розвитку.
Ключові слова: наука, освіта, ноосфера, сталий розвиток.

In article considers science and education of sustainable development factors.
Keywords: science, education, тоosphere, sustainable development.

Поступила в редколлегию 24.08.2010 г.

© Чатченко Т.В., 2010 р.